

«АДАМ В ИЗГНАНИИ, ИЛИ ТРАГЕДИЯ ВСЕХ ТРАГЕДИЙ»

Prima malorum causa {1}.

Ценителям искусств, господам попечителям
дома для престарелых и приюта для сирот,
покровителям справедливого использования
сценического искусства

Нынешняя драма сызнава и по праву взыскует наличия древесной листвы и пещерной сени, соответствуя своему исконному наименованию, подобно тому, как имело это место у древних в Греции среди пастухов, где поначалу таковые, стоя прямо на земле, по очереди распевали свои пастушеские песни, чая обрести в виде награды козла; таковой песенный обычай перебрался в города, стали где представлять (отменивши в конечном счете соревновательный спор) Древнего Сатира под сенью пещер, аллей и беседок, близ живого бьющего источника: там шло оное представление, от коего приняли нидерландцы ныне свое наименование сценического действия, а вовсе не от ставпиц {2}, хлебных кадушек тож, на каковых якобы некогда впервые воздвиглись подмости для сценического лицедейства. Никому не должно морщиться, созерцая учиненную в раю драму, и не должно прежде времени сесть от ужаса и изумления, ибо зрителю, конечно же, совсем не будут показаны игривые сатиры и прочие козлоногие, прыгающие совокупно с вовсе лишенными одежд нимфами, - нет, конечно же; дабы спокойствующая совесть не была обуреваема бесплодными грезами, короче, здесь будет показана райская трагедия, имевшая место в раю, насажденном на Востоке высшим и первейшим Садовником, на реке Евфрат, Садовником, учинившим превеселую беседку и блаженное жилище для Адама и Евы, каковые там, облаченные в чистые одежды невинности и пользуясь правом наследственной справедливости, пребывали, общаясь с Ангелами, Архангелами и прочими небесными Духами, из коих самые наивысшие прибыли на их свадьбу, и все они, соединясь в единый танец, танцуют его воистину победно. Когда в прежние времена трактовали мы о Люцифере, восставшем на Бога, ведя спор

из-за короны, местом действия трагедии были Небеса; ныне же предмет нашего созерцания - исключительно земной рай, Эдем, куда тайно явился из Преисподней заклятый враг Бога и человеческого род; дабы учинить повреждение первой свадьбе и ее пышности, прибегнув к помощи коварного своего Змея, по поводу чего мы с полным основанием можем воскликнуть:

O pueri, fugite hinc: latet anguis in herba {3}:

Но юная чета, увы,
Змею не зрила средь травы!

Однако же вовсе напрасно упреждение: яростный Змей будет насаждать в их сердца адскую отраву гордыни, пользуясь следующими речами: "Вы будете как боги, знающие добро и зло", - и радостная свадебная песнь преобразится в печальное сетование, блаженная же их жизнь, едва начавшись, станет горькою нуждой, вечным изгнанием за пределы Рая и отрешением от плода древа жизни. Мне думалось дерзостным, но тем не менее поучительным развернуть в драматическом действе Изгнание Адама, Трагедию Всех Трагедий, следуя примеру ныне покойного, бессмертной памяти Его Превосходительства Хейга де Грота, посланника короны и королевы Швеции, который, едва перешагнув рубеж своего отрочества, великолепно изложил таковой материал на латинском языке и этим образцом прекрасно доказал, сколь многого можно было ожидать в дальнейшем от того, чье имя де Грот-Великий - столь похвально согласовывалось с его делами. Ежели зрители после представления радостно и единодушно оповестят рукоплесканиями, что представление было им угодно, мы почтем их рвение растраченным не попусту, и препоручаем себя господам попечителям богоугодных заведений, к чести города и бюргерства услежающим за справедливым использованием сценического искусства.

Вашим Высокородным Превосходительствам

Всегда готовый к услугам

И. ван Вондел

(1664)

ОБРАЩЕНИЕ,

КАСАТЕЛЬНОЕ ДО СОСТОЯНИЯ ПЕРВЫХ ЧЕЛОВЕКОВ

ПРЕЖДЕ И ПОСЛЕ ГРЕХОПАДЕНИЯ,

А ТАКЖЕ НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ,

СОПУТСТВУЮЩИХ ДАННОМУ ПРЕДМЕТУ

Древняя историческая картина, нарисованная и написанная в красках некоторым светлейшим и достославнейшим Апеллесом, совершенна во всех своих деталях, и нет ничего, чего бы ей не доставало: ни в порядке, прорисовке и живописании образов, пребывающих каждый на подобающем ему месте, ни в размещении красок, ни в том рассуждении, что одни из персонажей одеты, другие же, напротив того, обнажены, ни в описании страстей, ни в украшательстве, ни в каких других обстоятельствах, требуемых правилами искусства; подобная историческая живопись обладает силою очаровать внимательное око справедливого знатока и ценителя искусств и воспламенить его к ненасытному созерцанию такового божественного чудотворения, ибо чем далее зритель всматривался бы и чем внимательнее охватывал и проникал взором, тем все больше утверждался бы он во мнении, что сей предмет достоин не токмо что созерцания, по и изумления, поскольку все предметы здесь расположены весьма прочло, согласно требованиям природы, завершенные и совершенные, один не чиня другому ущерба, - равным же образом утверждается учение древней католической истины, основанное на свидетельствах Пророков, Апостолов и Св. Отцов, ибо церковь непогрешимо управляема Св. Духом; и также, ибо справедлив ее титул, согласно коему является она **СТОЛПОМ И УТВЕРЖДЕНИЕМ ИСТИНЫ**, нельзя в ее учении найти ничего, что было бы нечисто; точно так же и не принадлежащие к Римской церкви соглашались с этим ее правом на протяжении первых четырех или пяти веков, непосредственно

следующих за годом Спасения {4}; среди прочих положений учения, полагаемых ею за основу и неуклонно отстаиваемых, является состояние первых человеков прежде и после грехопадения, предмет важный и в высшей степени достойный интереса, ибо он, будучи правильно понят и воспринят, служит основанием для других предметов, чье изучение необходимо для правильного обоснования вечного блаженства, поэтому небесполезно будет кратко и благочестиво взвесить происшествия, имевшие место в Раю, - прежде чем развернуть перед очами зрителей эдемскую трагедию.

Творец всего сущего создал Адама по образу и подобию Своему - святым, мудрым, справедливым, честным и совершенным. Совершенство сие, с каковым он был создан и без какового дара мы, люди, теперь рождаемся на свет после грехопадения Адама, состояло в сверхъестественной одаренности, ибо человек, изначально состоявший из плоти и души, имел в силу этой возможности, следуя своей двойственной природе, право входить в общение как с животными, так и с Ангелами, до некоторой степени преизбыточно споспешествуя изначальному благу твоего тела и органов чувств. Из таковой розни или же противоборства наклонностей произросла в человеке самая настоящая борьба, из борьбы же и обоюдной вражды произошло немалое затруднение в соблюдении доброго нрава, ибо две сии склонности, плотская и духовная, оказались в противостоянии и взаимопрепятствовании.

Божественное предвидение, дабы при самом начале творения одарить слабую человеческую природу целебным средством, наделило человека превосходным даром наследственного права, каковым, словно золотую узду, большая часть человеческой природы могла бы обуздывать меньшую, и сама большая часть могла бы быть без труда обуздываема пред лицом Бога. Итак, плоть прислушивалась к духу, чтобы не расслабляться супротив его желания, и разве только дух мог бы противу Бога употребить свою силу вне зависимости от того, дана ли ему и вправду была власть употреблять таковую или нет,

То, что это совершенство первого человека сверхъестественно, и то, что ему был дарован этот сверхъестественный, подобный золотой привилегии дар, явственно засвидетельствовано в книгах Св. Писания и творениях древних учителей. Царственный псалмопевец описывает сотворение человеков так: "То,

что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Но много ты умалил его пред ангелами; славою и честию увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих" {5}. Царство и падение Адама описано в другом псалме так: "Но человек в чести не пребудет, он уподобится животным, которые погибают" {6}.

Отсюда явствует, что первый человек был почтен сверхъестественными дарами, ибо пророк с изумлением говорит, что человек почти равен по природе Ангелам; кроме того, он иные дары, поначалу присущие первому человеку, именует славой и честью, которые означают, без сомнения, нечто исключительное и дополнительно присущее ему. Так же говорит Екклесиаст: "Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы" {7}. Здесь указано на правоту, присущую человеку по природе, а на все прочее - как на воследовавшее и дополнительное. О том же повествует расцвеченный рассказ Христа о человеке, который попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили и ушли {8}; здесь под названием одежды принято понимать первые дары, коих лишился человек, и то, как изранена была природа человека после ограбления, как оставлена была она едва живою; Св. Отцы доказали это в своих трудах. Св. Иоанн Златоуст {9} говорит, что Адам и Ева хотя и были наги, но, тем не менее, благодаря врожденной своей безгрешности все же не пребывали в наготы, ибо, говорит он, они были облачены как бы некою славою, ниспосланною свыше. Здесь проявлена их врожденная безгреховность, подобная одежде, свыше дарованная, дабы постижимо было, что сие - не от источников Природы, но произволением источника некоего более высокого, нежели Природа, даровано нашим прародителям. Св. Амвросий {10} говорит: Адам не был наг, так как невинность была его облачением. Он же подтверждает это в другом месте следующим образом: Адам был, прежде нежели совершил свой проступок, облачен одеждою добродетели, но из-за проступка, словно как если был бы ограблен, узрел свою наготу, ибо утратил свое врожденное облачение. Мы могли бы еще шире подтвердить данную мысль выдержками, но постираемся избежать длиннот. Между тем таковое одеяние прирожденной добродетели молчаливо снимает вину с нашей трагедии, где Адам и Ева, появляясь на сцене, предстают отнюдь не нагими, по именно облаченными в чистые одежды изначальной безгрешности и

невинности. О сем повествуют страницы Св. Писания даже и в Новом Завете, повсюду придерживаясь все той же цветистой манеры выражения, уместной для описания таковых духовных одежд: такова, например, изложенная Христом притча о человеке на свадьбе, одетом не в брачную одежду {11}, такова же и лучшая одежда, коей одеваем блудный сын {12}; апостол Павел говорит: "Облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа" {13}, в другом месте: "Только бы нам и одетым не оказаться нагими" {14}, еще и другом месте: "Потому что не хотим совлечься, но облечься" {15}. Св. Иоанн упоминает о жене, облаченной в солнце {16}, в другом месте упоминает виссон белый и чистый, обозначающий праведность Святых {17}. Он повторяет совет о том, чтобы купить белую одежду, "чтобы одеться и чтобы не была видна срамота наготы твоей" {18}, и показывает нам семь ангелов, как выходят они, "облаченные в чистую и светлую льняную одежду и опоясанные по персям золотыми поясами" {19}. Христова Церковь описывается им: "жена Его приготовила себя. И дано было ей облечься в виссон чистый и светлый, виссон же есть праведность святых" {20}. Оставим продолжение!

Адам и Ева, таким образом, щедро одаренные оным сверхъестественным даром врожденной безгрешности, вели счастливую жизнь во плоти и в духе, не подвергаясь никаким расстройством и погруженные в духовные радости небесного созерцания, проводили дни свои подобно домохозяевам Господним. Григорий Великий {21} утверждает, что человек в раю мог свободно вступать в разговор с Богом и так же свободно общаться с небесными Духами благодаря великой своей внутренней чистоте и великолепной внешности.

Но воистину: вне вечного Бога нет примирения, и даже значительная часть Ангелов в Небесах не была удовлетворена выпавшим жребием: часть эта осмелилась придти в возмущение превыше всякой меры, дозволенной Всемогущим, за что и была эта часть выдворена из Небесного Рая, - так же было и на Земле, где исконный враг человеческого рода столь коварно повел дело, чтобы склонить спорна женщину, а через нее и мужчину, к преступлению Господнего повеления, - пользуясь при этом услугами своего придворного Змея, Сатана в этом {22} наконец и преуспел. Вышеупомянутый Св. Григорий говорит, что когда Адам отпал от Господа, сердце его замкнулось от этого, изнемог свет разума и

отошли все радости, коими сопровождалось пребывание в Раю. Моисей говорит: "И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделала себе опоясания" {23}. Здесь раскрывается перед нами суть этой скорбной трагедии всех трагедий, за каковой и в самом деле воспоследовал поразительный переход от счастья к Илиаде бесчисленных злосчастий плоти и духа, разразившихся над ними и над их потомками, произросших из-за потери врожденной безгрешности, из-за проступания предуказания Всевышнего. Католическая церковь, как писал некогда господин Фоссий {24} в своей "Истории пелагианства", всегда судила так, что Адамов первый грех справедливым Господним суждением вменен всем его потомкам, и мы, в силу этого присуждения лишенные врожденной безгрешности, подпадаем законам неизбежной смерти и разъятости с Господом. Апостол Павел говорит: "Посему как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что все в нем согрешили" {25}. В другом месте говорит он: "Преступлением одного подверглись смерти многие" {26}. Он же говорит еще в одном месте, что мы "были по природе чадами гнева" {27}, что означает нашу подчиненность Господнему гневу.

Против несомненной истины первородного греха, против наказуемости вины Адама и всего человеческого рода, основывающейся на книгах Священного Писания и на свидетельствах древних отцов, против традиции, установленной в первые триста лет после года Спасения в Европе, Азии и Африке как Восточной, так и Западной церквями, боролся Пелагий {25}, шотландец по рождению, монах праведный и благопристойного поведения человек, из-за чего его заблуждения оказывались еще соблазнительней для людей, охотней доверяющихся голубиной простоте, чем змеиной ухищренности. Он, кто в трех книгах благорассудно отстаивал святая святых - Троиединство - проявил себя около четырехсотого года в Африке, когда Рим и Италия внезапно подверглись нападению готов, из-за чего возникла удобная возможность смело сеять плевелы среди пшеницы и уловлять души своим ложным простодушием как коварной привадой, ибо, как гласит пословица, в мутной водице хорошо ловиться рыбка. Пелагий был лукав и очень подл характером, не раз менял свое прибежище и тайно учил тому, - как говорит Св. Иероним {29}, - что открыто отрицал. Шесть и более того

церковных соборов тратили силы для того, чтобы выправить чинимые его ложным учением ущерб и язву, а именно три карфагенских, один диосполетанский, один милевитанский, один арауситанский, чтобы не перечислять других, менее значительных. Его последователи неучтиво хулили горестные плачи работающих женщин, как и стенания родовых мук: "О, если бы Адам никогда не вкушал яблока!" - и другие жалобы, подобные той, что звучит в "Медее" у Еврипида:

О, если бы корабль не плыл за Симнлегады,
Колхиды не достиг, не одолел преграды,
О, если было б так, что Пелионский лес
Для Арго не взрастил строительных древес!

Но подобно тому, как за первой ошибкой обычно следует много подобных же ошибок, так было и на этот раз: в силу отрицания наследственного греха Пелагий предполагал проступок потомков только лишь в следовании Адамову примеру; он считал, что проступок Адама уязвил одного только Адама и никого более, природа же не знает никаких наследственных пороков, по каждый, происшедший от размножения, пребывает в том состоянии совершенства, в котором сам Адам находился прежде грехопадения. Он выводил неизбежность смерти из необходимости произрастания в природе, полагал, что она истекает не из-за вины праотцов, легшей на весь человеческий род, полагал неизбежною и смерть самого Адама даже в том случае, если бы он никогда не преступал данной ему священной заповеди, из чего следовало заключение, что дети не нуждаются в крещении, несмотря на то, что Церковь твердо установила необходимость крещения, следуя словам Христа: "Если кто не родится от воды и Св. Духа, не может войти в царство Божие" {30}. Пелагий, дабы отрицать самую возможность какого бы то ни было наследственного проступка и не признавать нашей подсудности, подобно той, о которой говорили римляне, что мы рождаемся подлежащими наказанию, упорно отрицал, что благодаря крещению смывается пятно первородного греха, и дети вновь рождаются через эту водную купель, и переводятся из власти тьмы во свет Божьего царства. Отсюда возникают

неправорассудные разногласия о необходимости воздействия благодати Св. Духа и о наличии свободной воли у людей и вообще о таковой в природе. Пелагий отрицал самую необходимость благодати, вопреки суждению греческих и римских отцов церкви, и, чтобы приукрасить свои заблуждения, признавал необходимыми одни только природные дары, без коих нам ничего нельзя делать, но, однако же, достаточно забывался тем временем в своем гневе, четырежды был осужден и не шел в ногу ни с кем. Здравомыслящие учителя воздвигали против него обвинение, что он в своем гневе слишком высоко ставил поврежденную природу и не прислушивался нисколько к благодати: к тому, что свободная воля и законоучение, подобные насаждаемым им, недостаточны, но, кроме них, совершенно необходимо наличие благодати. Пелагий мало уделял внимания тому, что Христос обещал Св. Дух тем, кто обращается к Нему, и посредством учреждения св. таинств считал нужным в должной мере подкрепить слабость природы; таинства поэтому были справедливо наименованы древними отцами сосудами благодати и снарядами готовности человека ко оправданию: Пелагий держался в своих заблуждениях таким образом, что Винсент Леринский {31} справедливо засвидетельствовал о нем: никто не смел, до одного нечестного Пелагия, набраться такой наглости, чтобы не почитать в каждом отдельном деле необходимою Божью благодать. Провозвестник Истины возражает ему на это следующими впечатляющими словами: "Без меня не можете делать ничего {32}"; и Павел также говорит: "Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению" {33}. Все же, чтобы нам не погружаться сверх меры в опровержение заблуждений, при коем возникает здесь не подобающая нашему предмету многоречивость, прекратим споры, держась, по совету упомянутого Винсента Леринского, того, что всегда, всюду и всеми хвалимо.

СОДЕРЖАНИЕ

Бог поместил Адама и Еву в Раю, сочетал их браком и запретил им под страхом смерти вкушать от древа познания добра и зла; однако главнейший

Змей, более хитрый, нежели все остальные животные, и Сатаной одержимый, обольстил сперва Еву, дабы она полакомилась запретным плодом, а через Еву обольстил и ее мужа. Тогда посмотрели они на себя впервые открытыми глазами, и, сознав свою наготу, - ибо они стояли оба, лишенные одежд невинности и прирожденной справедливости, - сплели фиговые листья, чтобы прикрыться. Вслед за тем воспоследовал строгий суд Всевышнего, и наказал Он их, напрасно обвинявших друг друга, поразил их, изгнавши из Рая.

Трагедия происходит в земном Раю. Действие начинается перед рассветом и заканчивается с наступлением вечера.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Люцифер, Князь бездны

Адам

Ева

Хор Ангелов-хранителей

Гавриил |

Рафаил } Архангелы

Михаил |

Асмодей |

} адские духи

Велиал |

Уриил, Ангел-судия.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Люцифер

Я - тот, кто освящен всех ранее, однако
Теперь, низринутый с высот в пучину мрака,
Дерзнул покинуть крепь и серу адских блат,
Оттоль уйти, где жар, и червь, и глад, и хлад;
Обличье страшное дано мне, но при этом
Вход в сой срединный мир не огражден запретом -
И собственный диктат, наперекор врагу,
Над царствами Земли я учредить могу.

Засим, княженье чтоб еще прочней восставить,

10 Уместно, свет презрев, из ночи миром править:

Кто понужден своей взять вотчиною тьму,
Искать прибежища приятствует тому -
Сквозь полог полночи рассвет провидя дальний -
В сени урочища, древесной либо скальной.
Где семь, хочу постичь. Вот - ясно внемлю я
Предвестника зари рассветной, соловья,
Сей благостный певец предутренней прохлады
Среди древесных крон подруге шлет рулады.
Я слышу, как с холма, привычный бег стремя,

20 Крушится водопад струями четырьмя,

Теперь предположить уже возможно смело:
Эдем Восточный здесь! Я достигнул предела
Евфрата, где царит властительный Адам.
Мне должно прятаться по рощам, по садам,
Из пущи миртовой, из чаш, любезных оку,
Стараться выглянуть то спереди, то сбоку,
Всечасно строя ков, изыскивая, как
Содеять зло, - коль есмь добра природный враг.
В блаженной области следя возможно зорче

30 За умножением вреда и всякой порчи.

Державу, Люцифер, зиждь, не щадя труда,

Ей не прейти вовек! Да множится вражда,
Да умаляется сиянье горней чести.
Я сей наполню мир злотворной жаждой мести,
И от Вселенной вновь урву себе во власть,
Как прежде в Небесах, еще хотя бы часть.
Я весь подлунный мир печатью злобы трону,
Уж молния моя летит к Господню трону -
Докажет пусть, на что способен я сейчас.

40 Еще не кончен бой! Осталась мощь у нас,
Победа зря пьянит небесного владыку:
Мы явим свой закон - Его закону в пику!
Сан всемогущества - пустой, как видим, звук, -
Всевышний знает ли такой прехитрый трюк,
Чтоб нечто обратить в ничто совсем бесследно?
Мне, скажем, месть Небес была почти безвредна.
Я все же властелин - пусть нынче лишь в аду,
Но я возрастанья сей скромной власти жду,
Придет попутный ветер - и вспрянет наша сила;

50 Коль скоро сможем мы с умом подъять ветрила,
То знатный при конце пути найдем причал.
Итоги плаваний зависят от начал,
Нам вспоминать не след урон боев вчерашних,
Небесны сторожа не дремлют пусть на башнях,
Иль очень скоро им придется быть в беде!
Всевышний демонов решил держать в узде;
Во исполнение верховного приказа
Дозором Ангелы блюдут Эдем от сглаза
И всяческой беды, так пусть же бы о ней

60 Узнали стражники сколь мыслимо поздней.
Беспечный господин, что правит здешним, садом,
Все чает почивать под Ангельским приглядом:
Та стража задремли - в минуту бы одну

Сумел бы я настичь Адама и жену {34}

Ударом кратким ли, дымком ли адской смоли, -

Чтоб их дыхание не радовало доле

Того, кто в Небесах триумф ликует свой,

Чтоб сад роскошный сей - стал рощей гробовой.

У древа жизни здесь, в моей короне адской,

70 Довольственно приму хвалу когорты братской

И танец учиню, чтоб Небо кинуть в жар.

Но - преждевременно. Сей наш второй удар

(Коль первый отражен) - не должен стать безделкой,

Напротив, высчитан в детали самой мелкой,

Чтоб утро новое Творцу бы нанесло

Ущерб значительный - иль хоть какое зло.

Все средства хороши. Нисколько не зазорно

От нижних рубежей шагать к вершине гордой,

Кто терпелив - того счастливый ждет итог.

80 Предусмотрительность - успешности залог.

Размыслим, чем для нас чреват рассвет грядущий:

Когда светила арак взойдет над райской пущей,

Чета эдемская, не чаючи беды,

Гулять отправится в эдемские сады,

Их жалкая любовь опять воспримет взором

Тех Духов, не пришлось познать позор которым;

Беседа сей четы мне слышится вдали;

К раздору повода не отыщу ужли,

Коль их подстерегу? Пребуду осторожен,

90 Разведаю, на что для них запрет наложен,

Что их сгубить должно: не учинить силка

В Эдеме не могла Всевышнего рука,

Он - никому не друг: иначе он обрек ли

Вернейших слуг своих томиться в адском пекле,

Преображение их в чудовищ совершил,

Надежды всяческой навеки отрешил,
Замкнул врата Небес для коих столь жестоко?
Однако спрячемся: встают лучи с Востока,
И меж цветущих роз, укрывших окоем,
100 Адам властительный грядет с женой вдвоем
И хочет петь хвалу Владыке Небосвода,
Кому обязан он богатствами феода,
Полученного им. Теперь, друзья, смелей -
Но осторожнее: уйдем во тьму аллея
И будем, затаясь, присутствовать незримо,
Следить, как нежная чета ступает мимо,
Драбанты воздают ей почести пока;
Чета облачена в тончайшие шелка,
Сквозь кои - формы тел чувствительно приметны:
110 Так чрез росу сквозит светила блеск рассветный.
Затайнее, чем здесь, укроемся навряд:
Мы славно видим их, они же нас не зрят,
Мы всю беседу их услышим без препятствий,
Притихши в сумраке, в живом листы богатство.
Он держит мирт в руке, она - живой бутон
Духмяна розана. Все деревья поклон
Пред сей четой творят с благоговейным шумом.
Внимают Небеса молитвам их и думам.

Адам, Ева.

Адам

Животворящий свет вдали
120 Восходит, изгоняя въяве
Полночны призраки и нави
С лица блистающей земли.

И пенье пламенное птичье
В лесах рождается в ответ,
Хваля творящего рассвет
Неоспоримое величье.

Ах, птичья трель вперегонки
Пусть разлетается по долам,
Благим становится глаголом

130 И нам вплетается в венки.

Но наш напев - еще чудесней
Да взлетит, восторг лил, -
Однако же, любовь моя,
Хвалу начнем с которой песни?

Ева

Начало брать похвал чреде
Коль не от Бога, то отколе?
Зиждитель нашей славной доли
Он, сущий всюду и везде.
Лишь эта песнь уместна будет:

140 Запой, возлюбленный, со мной.

Пусть каждый звук очередной
Долины и дубровы будит!

Адам

Такой приличествует чин.
Ты солнце взвел над райской пущей,
Всеведущий и всемогущий,
Причина всех первопричин,
Что над Вселенной возмерцала,
Грозней всех солнц ничтожа тьму, -

Ты, вечный, образу чьему
150 Являет человек зеркало!
Тебя мы зрили: создал Ты
Из чермной глины плоть живую {35}
И удостоил таковую
Душою горней чистоты.
Прещедро нам в удел назначен
Свободной воли дар живой {36}:
Вовек бессмертный облик Твой
Не станет в нас ни тускл, ни мрачен.

Ева

Нам в восхваленьях не устать
160 И днесь, и присно, и вовеки:
Да пребывает в человеке
И во природе - Божья стать.
Соизволением предивным
Слиял несходности Господь,
Когда водвинул дух во плоть,
Связал единством неразрывным.

Адам

Людской обогащая род {37},
Господь устроил сад Эдема,
Овамо в коем суть и семо
170 Дары божественных щедрот.
Сад влагой напояем велий
Несякнущего родинка,
Что Божья призвала рука
Лелеять жизнь дерев и зелий.

Цветущим древом сад богат
И прочей благостию чистой, -
А паветье в листве серебристой
Плодами наш врачует глад.
Росою к нам нисходит манна
180 О каждой утренней поре,
Как не возвесть очей горе,
Не славить Бога неустанно!

Ева

Прославлен, Благодагель, будь
За нисхождение к дольным тварям.
Тебе в ответ хвалу мы дарим,
Все - благо, дал чему Ты суть.
Ты над Эдемом, как из рога {38},
Льешь изобилие всякий час,
В саду запретов нет для нас
190 По щедрости великой Бога.

Адам

В сем упоительном краю
Найти сколь благодатно друга!
О раздели, моя супруга,
Сладчайшую судьбу мою!
Сколь мало радуют богатства
Не разделенные, любя:
Когда бы жил я без тебя,
На что бы нужны все приятства?
О, как тебя ни называй -
200 Невестой, дочерью, сестрою, -

Мечтаний о тебе не скрою
Средь розанов и райских вай!

Ева

С тобою часть одну беру,
Мы жизни вместе будем рады,
От мига утренней прохлады
До тьмы, что снидет ввечеру.
Я послушанья не нарушу.
Покорствовать отрадно мне
В сем мире: Всеблагой зане
210 В твоей мою расплавил душу.

Адам

Вы, стражи-ангелы, несущие дозор,
Искусные вносить хвалы поочередно:
О том, устроен мир насколько превосходно,
Да повествует ваш благословенный хор.

Хор Ангелов-хранителей.

I. Песнь:

Мир до создания природы {39}
Являл одну безвидну тьму, -
Но Божий Дух, слетя над воды,
"Да будет свет!" - прорек сему.
И свет явился ниоткуда
220 Бесплотной россыпью лучей,
Пусть не пленяло это чудо

Тогда ничьих еще очей
И ничего не означала
Смен света мраком череда,
Но было явлено начало
Всем веществам как раз тогда.
О свет! Поем тебе сегодня,
Как славна первенца Господня!

I. Ответная песнь:

И той же дланью Милосердный
230 Дал, вновь являя щедроту,
Подтвердной влаге и надтвердной
Разграничительну черту,
С тем, чтоб грядущие народы
С еще не созданной Земли
Внесенную в надмирны своды
Господню зреть дугу могли;
Тогда же был воздвигнут Богом
Над гладью низлежащих вод
Неосязаемым чертогом
240 Хрусталесферный небосвод -
Улада будущего зренья.
Был день второй миротворенья.

II. Песнь:

Но скрыта влагою излишней
Была земля. Определив
Ей сушей быть, велел Всевышний
Стать по сему. Пришел отлив.
Воздвиглись берега на страже

Угомонившейся воды,
И стали гор приморских кряжи
250 И дюн зыбучие гряды.
Покровом травным и древесным
Укрыл Господь лицо долин,
И повелением всеместным
Установил цветенья чин
Красе живой, но безглагольной.
О, лепота природы дольной!

II. Ответная песнь:

На Небеса взведено было
Их чудо главное тогда:
Сверкнули дневного светила
260 Рубиновые обода,
По горнему летя простору,-
А вслед за оным в час ночной
Пришел черед и звездну хору
Всходить в сообществе с Луной.
Возможно стало числить годы,
Вести учет бегущих дней
По обновлениям природы,
Прослеживая зорко в ней
За чередой времен несхожей:
270 В сем знаменье был промысл Божий.

III. Песнь:

Уж каждая в своей оправе
Субстанция, что в мире суть,
Но пятый день к явленной славе

Приложит ли хоть что-нибудь
Веленьем высшим? Рыбы, птахи -
Прибавок дня сего таков;
Одни - почали крылии взмахи,
Другие - плески плавников;
Стада взрезвились кашалотов,
280 Достойно стало и орлам
Стремить до Солнца мощь полетов,
Могучим радуясь крылам;
Глубинны и воздушны дали
Живым родам наделы дали.

III. Ответная песнь:

Во день шестый земные звери
Взошли на травяной покров
Владеть, потребностей по мере,
Преизобилием даров
Творца всеобщей благодати,
290 Кто небо человеку дал,
А такожде небесны рати
Ему направил под начал,
В сию обитель благостыни,
Супругам данную во власть
Творцом, который людям ныне
Определил блаженну часть:
Среди сего роскошна дола
Ждать высочайшего престола.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Гавриил, Рафаил, Михаил.

Гавриил

Мы плавно движемся вдоль млечного пути,
300 Светило миновав, спешащее взойти
С восточной стороны, на золотой квадриге,
В полуденном венце. Уж недалеко миги,
Когда взойдут лучи от рая на Земли
В иной, на Небеси, чтоб там превознесли
Блаженны Ангелы в неслыханных хоралах
Брак первых из людей, счастливых небывалых
Цель наша - видима: прострем теперь крыла,
Уподобляя спуск парению орла,
Когда над морем он, иль над кедровым бором
310 Сnižаясь, движется в скольжении нескором.
Сей создал мир Господь как настоящий храм;
Воистину числа здесь Божьим нет дарам;
Тут - молоко да мед, там - розы да лилеи,
Камений отблески мир делают светлее,
Сардоникс, бирюза, бдолах, пироп, алмаз {40}!
Земля - ковер цветов. У Ангелов, у нас,
Подобных нет одежд, ласкающих зеницы!
Бесценноперые здесь обитают птицы.
Зрю: там единорог {41} застыл, смотря в родник,
320 Подсолнух радостно к светилу тянет лик,
И лепестковые пылают златом круги.
Подобно Ангелам, хвалу поют пичуги!
А как роскошен плод, что блещет на суку!
О, добрый мускатель! О, апельсин в соку
Неописуемом! Луга поправши ровны,

На сочных травах плоть нагуливают овны,
И тридесат ягнят пасутся на лугу,
Руно пурпурно их являет нам тамгу
Того, отаре кто хозяин и вожатый;
330 Адама, короля усадьбы сей богатой.

Вино и ром - ручьи. Мед-самоток - роса.
Корицей, не корой, одеты древесца.
Сверканье солнечно - и мягко, и приятно,
Восходно будь оно, иль будь оно закатно.
Явил себя Господь без скупости везде:
В животных, в зелиях, во персти, во руде,
Но более всего, промолвить надо прямо,
Он уместил себя в почтенного Адама.

Рафаил

Глашатай Господа, Архангел Гавриил,
340 Земле, о каковой ты долго говорил,
Архангела хвалы едва ли не противны,
И громки звуки труб нисколько ей не льстивны,
Поскольку сам Господь являлся в сем саду,
Растения свята и живность на ходу;
Засим, последний штрих земной даруя славе,
Эдема имя дал Адамовой державе.
Нехватки никакой людской не знает зрак.

Гавриил

О светлый Рафаил, ты семикраты благ {42},
Ты горняя звезда, ты светоч путеводный,
350 Ты подаешь совет безмерно превосходный:
Пространные хвалы садам Земли не для,

Восславим самого земного короля,
И той, которая владычествует вместе
С супругом, - нам воздать пристало честь по чести;
Во славу Господа царят они, засим
Роскошну свадьбу мы, готовься, учиним:
По знаку моему им на главы - обновы
Небесны возложи; то суть венцы Лавровы,
В них яхонт и брильянт несметен по числу.

360 Услужно Ангельство да соберет к столу
Бесценные плоды, созревшие в Эдеме,
Которы властвуют над слабостями всеми,
Что в человеке суть: сей соблюдает плод
Во крови густоту, он - здоровья оплот;
С лампадой - точно так: в ней пламя бы угасло,
Не дать когда б ему сливочного масла.
День чередуется с полуночною тьмой -
Природе оный плод пользителен самой,
Затем, что порче - враг и ныне, и вовеки.

370 Как Бог, как Ангелы бессмертны человеки!
Всемощный Михаил, благой Архистратиг,
Ты бодрствуй на посту, следи, чтоб ни на миг
Не возникало зло среди земного сада,
Чтоб свадьбе сей не знать коварных козней ада,
Не испивали чтоб невеста и жених
От кубка тайного, смертельного для них,
Но пили б мускатель из перламутной чаши,
И свадьба стала чтоб еще светлей и краше.
Короче, каждый пусть усердствует вдвойне.

Михаил

380 Посланник Господа, днесь в той же я броне,

Со шлемом, со щитом, что кован из алмаза,
С мечом двуострым, - он с того остался раза,
Когда небесный край охвачен был войной,
И Люцифер когда был ниспровергнут мной.
Днесь он взойти дерзнул, исполнясь злого рыка,
В мир, обитает где зеркало Божья лика,
Который мир от всех злодеев оградил.
Нам сохранить сей мир легко достанет сил.
Вели! На острие копья строптивца вздену,
390 Вздыху во храм Небес и пригвозжу на стену.

Гавриил

Да, зорче каждый будь в служении своем.
Мы выждем: пусть Адам окажет нам прием;
Венчания четы черед тогда настанет
И пения хвалы. Эдемска свадьба грянет
У древа жизни, здесь, над оком родника,
Где лев и львица пьют, где влага таи сладка;
Здесь, где в недавни дни, пришед лесной тропею,
Адам прозванья дал спешащим к водопою {43}.
Невесте с женихом уместно будет тут
400 Своим гостям предстать. Зрю, вот они грядут!
О благодать, коею мы любоваться можем!
Я рад явиться к ним с благословеньем Божьим, -
И стражи-ангелы да внидут: потому
Что прозвучать пора возвышенну псалму.

Адам, Ева, Гавриил.

Адам

Возможно ль, милая, нам лучшу часть избрати!
Зри, нам во сретенье грядут небесны рати:
Не приминяя трав, ступают навесу.
За каждым - видишь ли златую полосу
Воздушного следа? Предивны и подавно
410 Воскрылья белые, что их несут столь плавно,
Когда спешат сии надмирных сфер гонцы.
Они дары несут и некие венцы
Из веток лавровых. Почто Владыке надо
Сторожевого мощь усиливать отряда,
К нам предводителей Небесных Сил послав?
О вы, чей Властелин трикраты величав,
Привет примите наш, взыскуете коль скоро
Нас видеть, излетев из горнего простора:
Мы поспособствуем - вы здраво чтоб могли
420 Сравнить с высотами низинну стать земли,
Чтоб вы, насельники природны высшей сферы,
Не похвалили бы земной удел сверх меры;
Коль скоро некий дан Всевышним вам наказ -
Желанны и гонцы в гостях тогда у пас,
Нам радостны с Небес даваемые знаки,
Нам ваше общество благоугодно паки,
Вы не смутили нас, пречистые, ничуть,
Пожалуйте же к нам, спорта счастливый путь,
И соизвольте, край наш низкий озирая,
430 В земной - небесного ввести немного рая,
Коль наши словеса вам, славные, слышны.

Гавриил

Наместник всей земной преславной стороны,
Властитель ревностный, царящий превосходно,

Отстолий будущих семянка первородна,
Владычить в сем краю ты предназначен, князь,
Лишь перед Господом почтительно склонясь,
Который, чтоб тебе стать праотцем потомкам,
Связал тебя с ребром {44}, с твоим живым отломком, -
Нас ниспослал с Небес, счастливейший, смотри -

440 Да воссиял бы в вас свет утренней зари

Еще прекраснее, чем он сиял доселе,
Кимвалы свадебны звончее бы взгремели,
И стала крепче цепь единоплеменных уз,
Обозначающих взаимный ваш союз.

Сестра, невеста, дочь эдемского владыки,
Блаженна Ева, ты, чьи лепоты велики,
Кому почетнейша вперед судьба дана -
Произвести на свет столь многи племена,
Что Землю населят, - о ты, подруга ложа

450 Благого жениха, - ты как звезда пригожа

И как же высоко вознесена сейчас,
Что свадьбу на твою Господь направил нас!
Венчанны нами днесь супруги превосходны.
Да возликуют все светила небосводны!
Венцы прияв сии, земной займите трон,
И чайте в будущем славнейшей из корон.

Адам

Нам большей радости не можно и желать бы.

Гавриил

Мы разделить сошли трапезу вашей свадьбы,
А древо жизни свой предложит нам шатер.

Адам

450 Благословен Господь: Он милость распростер

Великую свою небесна блеска шире,

От бирюзовых сфер струимо благо в мире.

Низлили вы елей во наших глубь сердец.

Послушных ленников почтил благой Отец

И для Земли даров опять не жалко Небу.

Со древа жизни плод - в отраду и в потребу

Годится, ведаем, и Ангелам вполне.

Всемилостно Господь послал супругу мне

Для попечения, а купно для улады.

470 Не одиноки мы, - гостям, однако, рады.

Господь к насельникам Эдема добр вельми.

Гавриил

Счастливый жребий свой в супружестве прими.

Ты - будь Эдема царь, она же - будь царица.

Адам

Вы, стражи-ангелы, покуда праздник длится,

За нами следуйте. Не токмо сонмы птиц,

Пред вами смолкнут пусть все звери, павши ниц.

Хор Ангелов-хранителей.

I. Песнь:

Возможно опустить ли вежды,

Зря счастье благостной четы,
На коей белые одежды {45}
480 Небес невинностью чисты?
Не женской вытканы рукою
Сии покровы, нет, о нет, -
Другой одеждою такою
Не изумляем Божий свет, -
Но как символ, но как награда
Сей драгоценный дар явлен
Хозяевам земного сада,-
То - не тканье земных пелен,
Но сей убор не емлет пятен,
490 Он белоснежен, он опрятен.

I. Ответная песнь:

Не солнце, распалившись гневно,
Здесь краски извело дотла,
Но милость высша и вседневна
Сим тканям белизну дала;
Нет, зрим восторженно сегодня,
Как, высшей не щадя казны,
Пожертвовала длань Господня
Частицу горней белизны,
Чтоб человек благоговейно
500 Иные все отмел цвета,
Чтоб розова и чтоб лилейна
Пред сей померкла лепота, -
Не надобны пестроты боле:
В том воплощенье Божьей воли.

II. Песнь:

Во каждом человеке к плоти
Приединен бессмертный дух,
Не пребывающе в заботе
Начал о неслиянье двух;
Столь гармонично, столь умело

510 Дала законы Божья высь:

Душе во всем покорно тело,
Сен доли человек лишись -
И нечто чуждое надумай,
Он блага потерял бы все,
И жребии бы грозил угрюмый
И свадьбе, и земной красе
Тех, кем затменны херувимы,
Кто в блеске вышнем днесь хвалимы.

II. Ответная песнь:

Созвучья сладостны, арфичны,
520 Творя в возвышенном пылу,
Летят хоралы гармоничны:
Се Ангельство поет хвалу,
Зане являет людям силы
Противства все преобороть
Любовь, что чрез духовны жилы
Струится, оздравляя плоть.
Кто всех Творцу сегодня ближе -
Тем днесь и дарует земну
Судьбу Всемилосердый, иже
530 Блюдет их юность и весну.

Да длится вековечны годы
Пир брачный сих царей природы.

Заключительная песнь:

Царство ангельско с животным
В людях соединено -
Сим примером Бог дает нам
Наставление одно:
Стати царств неравноправных
Он в одну связует нить;
Суть вещей противопоставных
540 Властен Бог соединить.

Длите век от зла далече,
С оным избегайте встреч -
И вовек на ваши плечи
Тяжкой доле не возлечь.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Асмодей, Люцифер.

Асмодей

Тебя, сернистых блат всемогущего владыку,
Приветствуем, являсь по первому же клику
В эдемски заросли, в блаженные сады,
Где зреют меж ветвей познания плоды.
Реки - от верных слуг что властелину надо.

Люцифер

550 Воздвигни, Асмодей, опору царства ада!

Такой совет подай, какого нет подлей,
Пылающей смолы в огонь вражды подлей,
Отмстим за тот позор в небесном бранном поло,
Нас Михаил когда лишил наследной доли,
И, дерзостно поправ все правила войны,
Нас молниями сверг с небесной вышины,
Навеки данной нам. Опять на грозны войны
Должны подвигнуть нас намеренья разбойны, -
Потребно действовать сейчас не напрямик:

560 Во бранном поле нас побьет Архангел вмиг,
Нельзя и мыслить нам о лобовом ударе,-
Но - вред большой чинить способны малы твари.
От сада здешнего уместно бой начать.

Асмодей

Что ж проще, чем врагам отселе докучать,
Зерцалам деспота внушивши мысли злобны?
Испортивши детей, что столь Отцу подобны,
Легко отъять у них все милости Небес.
Познания людям плод запрещен наотрез,-
Коль преступить запрет им, жалким, довелось бы,
570 Уже не помогли б ни жалобы, ни просьбы, -
От кары их спасти ничто бы не могло.

Люцифер

Да, мощно бы тогда восцарствовало зло,
Докуку Небесам дала б Земля безмерну!

Асмодей

Конечно же. Сперва - зеркала ввергнуть в скверну,
Коль скоро сам престол небесного врага
Неуязвим для нас. Однако - жемчуга
С его короны мы сдерем не в миг ли краткий?

Люцифер

Будь по сему. Но мы затайные повадки
Усвоить бы должны, чтоб нас нашли не вдруг
580 В сих пущах. Небеса смыкают стражный круг,
И при незоркости могла бы неудачна
Стать наша миссия. Гремит музыка брачна:
Мы прячемся в тени, но нам сквозь древеса
Хоралы ангельски да птичьи голоса
О празднике гласят. К столам сносимы брашны
Толпой приспешницей, - а стражники бесстрашны
Блюдут спокойствие венчаемых особ.
Бдит, зрю, и Михаил, надзорщик вящий, чтоб
Не вкрался бы никто из тех, кто суть во аде.
590 Короче, там заслон и спереди, и сзади.
Разбой раскрылся бы, мне кажется, любой.

Асмодей

Уместно бодрствовать, замысливши разбой,
Не верить никакой сомнительной укроме,
Не лезть на свет, нигде не объявляться, кроме
Как в чаще, иль в кустах, иль в тьме пещерных ниш;
Способен злобственный укрыться призрак лишь
При соблюдении тактичного подхода.

Люцифер

Как мыслишь утаить, что есть твоя природа?

Асмодей

Животных машкер есть немалый арсенал.

Люцифер

600 Да, птицей обернись - в ней кто б тебя признал?

Ее несут крыла, и песни плещут в горле

Прельстительны, - ну, что ж, приемли облик орлий,

Орлу по смелости во птахах равной нет,

Не страшно для него, дневной завидя свет,

Сразиться с таковым. У этих птиц в обычай

Справляться наскоро с когтимой добычей,

Остер и клюв орла, и дальнотрящий взгляд.

Иль - выбери Слона. Он мышцами богат,

Скрывать не станет он свою огромну тушу,

610 Всех тварей он сильней из тех, что топчут сушу,

И, воле будь Небес сие не вопреки,

Легко Адама он взнизал бы на клыки,

Иль, хоботом схватив, разбил о жестки скалы.

Асмодей

Да, силы Господом приложены немалы

К охране здоровья Наместника Земли.

Животны обороть сего бы не смогли;

Нет, нам необходим, чтоб с этой сладить силой,

Величественный гад, дракон чешуйнокрылый:

Он ползает легко, но и легко парит,
620 На языке людей он внятно говорит,
Он в людях твердость бы немедленно ослабил.
Такого сокола уже бы я навабил,
Для простофиль земных уже бы дал урок!..

Люцифер

Потише, скрытен будь, не то в короткий срок
Тут стража нас найдет и мигом уничтожит.
Что б ни замыслил ты - вопль делу не поможет.
Удар наметил копьё - исподтишка ударь.

Асмодей

Что ж все-таки дракон?..

Люцифер

Он - хитроумна тварь,
А также - смел весьма. Сомнений не имею,
630 Что дара эти два даны не даром змею,
Копьё скоро здесь одно соединено с другим -
Удар становится вполне осуществим.
О, сколько грядут вослед за ним недуги!

Асмодей

По одному - верней уловятся супруги,
Смутить совместно их, как мыслю, мудрено.

Люцифер

Благословение им общее дано,
Как и проклятие: они не даром пара.

Асмодей

А в будущем грядет подобная же кара:
За действие одно - их ждет удел один.

Люцифер

640 Едва ли с женщины возможен наш почин,
В ней смелость ли найдем, потребна здесь котора?
Мужчина, мыслится, поддастся очень скоро,
Жена же в грех впадет уже за мужем вслед.

Асмодей

На это, видимо, как раз надежды нет.
Вот муж вослед жене - то цель уже конкретна.

Люцифер

Поленится жена вкусить плода запретна.

Асмодей

О, в ней на лакомство позыв неодолим.

Люцифер

Запрет горчит на вкус.

Асмодей

Зато уж плод - сладим,
Уж так он духовит, уж так очам прелестен,
650 Притом, что вкус его еще и неизвестен,
А чтоб узнать его - всего-то надкусить.

Люцифер

Но с мужем тщетно сей соблазн соотносить.

Асмодей

Сперва пренебрежет жена запретом Божьим,
Муж согрешит вослед.

Люцифер

А если, предположим,
Не пожелает он вкусить сего плода?

Асмодей

Расхвалит женщина вкушенное когда,
Захочет ли предстать он пред женою трусом?

Люцифер

Зловеща яблока всего одним надкусом
В немилость Господа навек постыдно впасть,
660 Насмерть пойти затем, чтоб лишь отведать сласть,

Наполнить соком рот - и знать, что следом бездна
Разверзнет жуткий зев!..

Асмодей

Жена попросит слезно,
А в малости такой - попробуй, откажи.
Угроза кар к тому ж рождает мятежи, -
Сам, восставая, ты мечтал ли о покое?

Люцифер

Несчастье Ангелов - отныне стань людское.

Асмодей

Сей жаждет знания род - так быть же по сему.

Люцифер

О всем ли, что его не явственно уму,
Желает ведать он?

Асмодей

Из всех - избрать дорогу
670 Он алчет худшую - быть равен знаньем Богу!

Люцифер

Хотение престол у Бога отобрать
Есть главная беда, постигша нашу рать.

Асмодей

Тропа известная - и потому простая.

Люцифер

Ну, начинай. Притом следи, хитро сплетая;
От нова люди пусть никак не ускользнут.
Управиться когда один не можешь тут -
Из преисподней кличь всех тех, которые нужны.

Асмодей

Лукавый Велиал, приспешник мой оружный,
Вполне готовый, ждет: когда приказ мне дан
680 На человеческий род насторожить капкан -
То род людской падет уже от первой раны.

Люцифер

Сверши - тогда в аду куренья и пеаны
Честь воздадут тебе, и, я клянусь, не зря!
Все, что касается крылом нетопыря {46},
Что пахнет серою - в Эдем доставить спешно!
Победы пашей песнь - да возгремит, кромешна!
Да зашатается небес прегордый свод,
Узнав, кому теперь людской подвластен род!..
Но это все - потом. Покуда - к делу, к бою!
690 Ты смело приступай, знай - Люцифер с тобою, -
И с жениха начни посев грядущей лжи.
Вот, кстати, Велиал. Что надо, все скажи.

Велиал, Асмодей.

Велиал

Почтенный, вас ищущь средь этой пущи дикой
С тех пор, как вы наверх воскликаны владыкой.
Что пакостного он готовит Небесам?
Что славного слышать?

Асмодей

Тут свадьба, видишь сам.
Нас, правда, не зовут туда ни малым знаком.

Велиал

Сколь сад роскошен сей! Сколь каждый плод здесь лаком
И соком напоен, - сколь запах здешних трав,
700 Цветов, кустов, дерев - целителен и здрав!
Растенья круглый год цветут, нектароносны,
Зимы и лета нет, стоят сплошные весны,
И свадьбу вечную всему сулит судьба.

Асмодей

Мню, гложет самого Садовника алчба
В саду, который он существовать заставил, -
Помолвил он людей, и ныне свадьбу справил.
Решили мы теперь унять его кураж.
Противобор небес, владыка славный наш,
Решил: супругов ты уговорить обязан

710 Того вкусить плода, что строго им заказан.

Обиду Небесам вчинишь ты велику.

Судьба всего и всех висит на сем суку.

О, сколь взликует зло, когда неосторожно

Сей будет плод вкушен!

Велиал

Но как же то возможно,

Что в жизнь призвал Творец пусть даже кроху зла?

Асмодей

Нет, благо лишь одно несут Творца дела,

А возникает зло - в попрании запрета.

Жизнь пищей зиждется, но - смертная примета

Возляжет на того, кто плод недолжный съест.

Велиал

720 Малейший бы не смел я выказать протест,

Но объявиться как средь празднества сумею?

Асмодей

Хитрейшему из гад, коварнейшему змею,

Чей облик примешь ты, откроются пути.

Велиал

Вовеки маскарад на свадьбах будь в чести {47},

Начнем традицию от нынешнего часа.

А что есть маскарад? Не лживая ль прикраса,
Природу подлинну скрывающая свою?
Во чашу свадебну отравы я волью,
Приманка - плод: его пусть жертва бы взалкала,
730 Не вряще ни червя, ни тайного стрекала,-
Коль хоть один из двух откусает плода -
Второй за ним придет уж сам собой тогда.

Асмодей

Быть хитрая должна измыслена зацепа,
Соблазны изрекай умно и велелепо.

Велиал

Сперва - во слух людской вструить прелестну речь,
Чтоб робость укротить и к дереву привлечь,
Внушить желание - узнать собственноручно,
Насколько оный плод невыразимо вкусно
Устроен! А соблазн - придет уже вослед!
740 Им гибелью грозит съедобный сей предмет!

Асмодей

План в дело воплоти, как он тобой изложен.

Велиал

Возвысится тогда, кто ныне столь ничтожен!

Асмодей

Великий Люцифер, сведенный в князя тьмы.

Велиал

В болото серное с ним вместе пали мы.

Асмодей

Рекомендует князь Адама брать сначала.

Велиал

То просто дерзость бы беспроку означало,
И безрассудный риск. Атака на жену
Даст пользу большую, - сию тропу одну
Избрать возможно, - муж - то цель уже вторая,

Асмодей

750 Разумен ты, сей путь кратчайший выбирая.

Велиал

Насильно мужу дать сего плода кусок -
Нелепо и мечтать, - здесь только хитрость впрок.
На сердце мужеско чрез женскую половину
Потребно мягко жать. Так лепят воск и глину,
Жар с влагой в ход пустив, - я в том поруку дам,
Что потеряет свой земной венец Адам.

Асмодей

Ты мужа уязвить решил ребром его же?

Велиал

Кто ближе есть к нему и кто ему дороже?

От своего ребра он зла не ждет никак.

760 Лишь попроси она - тотчас на страшный шаг

Рассудку вопреки решится, ибо слушать

Во всем жену привык, - почто же не откусать

Столь ей любовного, столь сладкого куска?

Асмодей

Да, послушанья мощь и вправду велика.

Велиал

Не только муж в раю привержен послушанью:

Голубку голубь чтит, склонен олень пред ланью,

Лев львице подчинен, так всюду жизнь идет:

Сопротивляются ль, прияв любовный гнет?

Но все же, прежде чем облечься в плоть дракона.

770 Уместно было бы мне ангельско, исконно

Обличив принять, - поди, на глаз отсей

Меня от остальных?!

Асмодей

Нет смысла в мысли сей:

Жену пусть вовлечешь ты даже в паши козни,

Представши Ангелом. Она, не зная розни

Во Ангелах, найдет защиту от суда

Своим неведеньем: тревожили всегда
Лишь Господа Гонцы Адамову товарку.
Победа вся твоя тогда пойдет насмарку.

Велиал

Тогда драконий вид уж поскорей приму.

Асмодей

780 Но человечесью речь к змеиному уму
Усвоить не забудь и должную манеру.

Велиал

Уж фальшью то никак не поколеблю веру
В то, что советую лить благо да покой.
Скорее ангельской подобна, чем людской
Моя да будет речь, - предвижу я заботу:
Змеиным языком одну и ту же ноту
Слать в душу женщины, - не заскучав ничуть,
Ей в уши ловко пить прельщения тянуть.

Асмодей

Во начинанье сем многоудачен буди,
790 Чрез слух растли сердца - и да погибнут люди.

Велиал

Сладкоголоса песнь идти способна в бой
С разбушевавшейся стихиею любой.

Я человечеству привью любовь к отраве,
И ликовать не дам ему во горней слано.
Не зрить ему того, что отнято у нас:
Пусть плачет род людской до иссыхания глаз.

Асмодей

Да, гости брачные, что нынче праздник правят,
Не знают - что за весть уж скоро ввысь доставят.

Велиал

Архангел Гавриил всех мене ждет сего.

Асмодей

800 А свадебно меж тем вершится торжество,
Под звоны чаш и труб. Черед - с Творцом поспорить!
Не скоро шанс такой нам выпадет вдругорядь.

Велиал

Удачно вышло б так: чтоб юная чета
Была прогулкою приятно занята,
И вот невеста бы, пройдя по той дороге,
Ждала бы жениха в зеленом сем чертоге,
Настать бы мог момент, как раз какого жду:
В ней интерес возжечь к запретному плоду.

Асмодей

Удачным случаем воспользоваться нужно,

810 Сокрывшись в темь ночну и зелие окружно.

Да будет пронзена сей час наверняка
Добыча выстрелом искусного стрелка.

Велиал

Не выйдет сей же час - так переждем трапезу.

Асмодей

Нет, именно теперь потребно до зарезу
Их низко совратить, на свадебном пиру, -
Вот было б торжество! Чтоб завтра ж поутру
Первейша заповедь была поправа злостно,
И гордость сломлена людска, павлинохвостна.
Такую Гавриил доставит весть впервой!

Велиал

820 Какой подыметя в небесных сферах вой!

Незаживляема сия пребудет рана!

Асмодей

А все же ликовать еще, пожалуй, рано.

Велиал

Получим форы мы не десять ли шагов
Тем, что победы ждем?

Асмодей

Лишь оборов врагов {48},
Закон диктуют свой.

Велиал

Чу! Слышен гул недальный!

Асмодей

То свадебной чете напев гремит венчальный,
И в хоре внятен том глас Божией трубы.
Пора прислушаться - разведать все дабы.

Велиал

Струится горний блеск на зелия окрестны.

Асмодей

830 Зрю: начинают пляс гостители небесны
Под бубны, под свирель, под звонки погремки.
Отходим: вот они. Смелей оstri клыки.

Хор, Адам, Ева.

I. Песнь:

Мы во славу Божью пляшем {49}
На Эдемском на лугу,
Радостно дадим в кругу
Место повоженам нашим, -

Благолепием сугуб,
Слуху праведному люб,
Будет жар игры неистов;
840 Цимбалистов и лютнистов,
Грянут громы Божьих труб,
Соблюдая мелодически,
В ликованьи не устав,
И людской и серафический
Гармонический устав.
Без сомненья, без опаски
Опираясь на цветы,
Мы начнем изящны пляски
В честь венчаемой четы, -
850 И, почетом окруженным,
Тем, что всех превыше тут, -
Поклониться новоженам
Гости свадебны грядут, -
Чтоб испросить соизволенья
Начать эдемски забавленья.

I. Ответная песнь:

О, счастливые супруги,
И невеста, и жених!
Гости славные для них
Строются в почетны круги,
860 Чтоб начать хвалу сию,
Славя новую семью,
Молвят речи умилительны
И заводят упоительны
Хороводы здесь, и раю.
Ни один слуга Господен

Да не дремлет в тишине,
Если Богу пляс угоден
Во небесной вышине,
Не парят сегодня Духи,
870 Но, сойдя в приземный слой,
Полнят здешние воздуха
Неустанною хвалой.
Ты, глава земного рода,
К нам, счастливым, поспеши,
Во середине хоровода
Пой да весело пляши,
Чтоб радость мы твою узрели
Под звуки праздничной свирели.

II. Песнь:

Адам

Выйти в круг я не премину
880 В свой черед,
Цель преследуя едину:
Угождати Господину
Всех Господ.
Никого да не обидит
Наш призор,
Небо ко земле да снидет,
Каждый пусть явленным видит
Божий хор.
Расточая год за годом
890 Горний свет,
Семикружным хороводом
Мчатся по хрустальным сводам

Семь планет.

Я - предстану солнцем ясным,

Ты - луной,

В танце двигайся прекрасном

За напевом сладкогласным

И за мной.

II. Ответная песнь:

Ева

В танец выступлю без лени,

900 Выйду в круг;

Если ж свет мой - вдвое мене,

Иль сокрыт в полночны тени

Мой супруг,

Со звездами вперегонки

Возлечу,

Стану тихо ждать в сторонке:

От него хоть лучик тонкий

Получу.

Быти мужа одесную -

910 Долг жены;

Я, всходя, любовь земную

Так светло ознаменую

С вышины:

Чтоб судьбу возможно (стало

Угадать,

Чтобы свадьбы возблистала,

Встречи брачной возрастала

Благодать.

Заключительная песнь:

Мы хвалы приумножаем:

920 Нынче в них

Сей блистательный жених

Светел и неподражаем,

И сияньем окружаем

Он везде,

А, подобная звезде,

Благородная невеста

Соблюдает должно место -

И путем спешит одним

Вслед за ним.

930 Окончим перепляс под песнь благовенчальну.

Знак подал Гавриил взнести хвалу хоральну.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ева, Адам.

Ева

Мы там ли, где сады, иль там, где звезды многи?

Что ввысь меня влечет? Мои не чуют ноги

Поверхности земной. Всю душу охватив,

Божественно звучит наш свадебный мотив,

Отводит землю прочь, - и мнится, что в полете

Душа спешит превыспрь, уже чуждаясь плоти,

И, пламя чистое рождая и струя,

К первоисточнику стремится бытия.

Адам

940 Как мне остаться здесь, тобой отриновенным?

Ева

Влекома властно я источником блаженным,
Взыскую лишь его. Препятства не чини.

Адам

Твоя стихия здесь, где мы с тобой одни.

Ева

Вот речь прельстительней, чем царствие небесно!

Адам

Лишь Херувимам то, да Серафимам вместе
Во сфере пребывать, где, не вздымая лиц,
Пред Господом Самим упасть возможно ниц
И, воздавая честь, жечь мирру духовиту.

Ева

Сколь дивно здесь, в раю, иметь небесну свиту!
950 Искусно собран был для брачного стола
Небесный виноград, - и манна там была
Прещедро подана, но вкусу небывала!

Но ангельская речь все яства затмевала,
Туман неведенья пред нами был разверст
И на грядущий град направлен вещий перст,
Сей град Господь создаст в назначенные сроки,
Ростки духовности когда взойдут высоки, -
И тот получит в нем гражданские права,
Чья будет мысль чиста и чья душа жива.

Адам

960 Сей град ко Небесам взметнется из долины.

Ева

Навеки очи им пленились бы орлины,
Красой, неведомой доселе на Земли,
Назреться досыта они бы не могли.

Адам

Отколе тайный вид содеется отверстым?

Ева

То Ангел ведает и сам укажет перстом.

Адам

Подстенье - первый смысл в творении благом.

Ева

Подстенье все горит в каменье дорогом {50}:
Там яспис, там сапфир, там хризолифы чисты,
Сардоникс, халкидон, вириллы, аметисты,
970 Смарагд и сердолик, а также хрисопрас,
Конечно, гиацинт, и, наконец, топаз
На квадратах зримо там: сколь пышны их сверканья!

Адам

Отменным ясписом стены четырехгранья
Переливаются и благостно горят.

Ева

Жемчужин целостных - в стене двенадцать врат.
И чистым золотом сверкает мостовая,
Всех Духов, сущих там, светло осиявая.

Адам

Но храмов созерцать не доведется там,
Для града оного - Господь и столп, и храм,
980 Там Духам несть числа: Владыку титулуя,
Поют они, гремит всеместно аллилуйя,
И бесконечные сквозь град со всех концов
Грядут процессии ликующих певцов.

Ева

Ни в солнце, ни в луне сей град не терпит нужды,
Однако сумерки ему от века чужды:
Град озаряет сей, сколь оный ни велик,

Всенасыщающий, всемилосердый лик;
Там вечный день царит, - нам, кто земного рода,
Как по желать его скорейшего прихода!

Адам

900 Еще в ушах моих шуметь не перестал
Той дивной влаги ток, прозрачной, как кристалл,
Ту реку внутренним я оком зрю поныне,
Там жизни дерево возрастает посредине,
Во здоровом воздухе лелея вкус и глаз,
Плодами тяготясь в году двенадцать раз.

Ева

Архангел, Ангелов на брачный пир собирая,
Нас чаял повстречать среди Небесна рая,
В недалеком будущем нам снова честь суля.

Адам

Тем временем, пока нам вотчиной - Земля,
1000 Любить друг друга мы должны ежемгновенно,
Дорогу в Небеса торить предрезновенно,
Чтоб к счастью высшему ступенью стал Эдем.

Ева

Будь господином мне. Не числю за ярем
Стать средством для твоих свершения велений.

Адам

Пример да явишь сим для новых поколений.

В природе огонь любви и ярок, и глубок:

Вот с голубицею воркует голубок,

Вот лебедь к лебеди спешит по чистой влаге,

Склонен пред львицей лев, своей пишась отваги,

1010 Рябину стройную могучий плющ обвил -

Во всем трепещет он, могучей страсти пыл.

Соединиться ждет подобное с подобным,

Дано продолжить род всем, на сие способным,

Из лона твоего мир изойти готов:

Ты, мать первая всех будущих родов,

Да внидут чрез тебя, неведомые ныне,

Князя, старейшины, царицы, героини {51},

Ты да прославишься! Сейчас провижу я,

Как расселяются в различные края

1020 Столь роды многие, сколь суть соцветий в поле.

Возрадуйся, жена, своей грядущей доле.

Ева

Сколь милостив Господь, в сей нас надел всея,

И плодоносна сколь от жениха Земля,

Который тысячью очей со небосвода

Следит, всечасно чтоб цвела бы вся природа, -

Столь следует и мне идти вдвоем с тобой,

Тебе ответствуя и мыслью, и судьбой.

Адам

Позволь, отыду я, чтоб возвратиться вскоре:

Я с Господом-Творцом пребуду в разговоре,

1030 Его благодаря за наши славны дни,
Молясь наедине.

Ева

Господь тебя храни.

Велиал, Ева.

Велиал

Да будет, праведная жено,
Тебе средь радостей земных
Покровом - Небо всеблаженно,
Опорой верною - жених.
Укором розе и левкою
Свою красу являешь ты
Очам невероятну, кою
И прочие затмишь цветы:
1040 С тобой в сравненье - звездна свита,
И та не слишком красовита.

Ева

Кто появился в здешней чаще,
Кто говорит со мной теперь
Речами, нет которых слаще?
Откройся - Дух ты или зверь,
Явись очам, о голос милый,
Поведай, не таись во мгле,
Ты - окрыленный, иль бескрылый
Как мы, ступаешь по земле?

1050 Покорствуй изреченной воле,
Коль человек - явись тем боле.

Велиал

Меня, владычица прелестна,
Своим доверьем облеку:
Я - просто тварь небесловесна,
Глаголающая по-людски,
Тебе лишь тайну эту выдам,
В себе утишивая страх:
Ничтожен есмь, и скуден видом,
И пред тобой простерт во прах;
1060 Но я поведать не умею,
Сколь род людской любезен змею!
Подобной же любви не минув,
Гнездятся аисты близ вас,
Из волн морских стада дельфинов
Следят за вами всякий час,
Им, не пойми меня превратно,
Любезен человек един.
Взгляни, как птицам ты приятна,
Как ластится к тебе дельфин,

1070 Приплыв из водного простора,
Взыскав ласкового взора.
Единорогу непреклонну
Твоей не вынести наготы,
Когда к девическому лону
Возлечь ому дозволишь ты:
Сей зверь покорен только деве, -
Тебя завидит он едва -
Кричит в желанье и во гневе,

Страсть в нем вскипает такова,
1080 Его к тебе котора гложет;
Еще он рогом яд ничтожит.

Ева

Отколь такое льстивство в гаде?

Велиал

О, то не праздный разговор!
Глаголю не награды ради,
Но - робости твоей в укор,
Какой не должны знать владыки.
О малости своей скорбя,
Даю меж тем совет великий,
Я пригласить хочу тебя
1090 Вкусить скорей, без препинанья,
Плода от дерева познания.

Ева

Да не содеюсь я мишенью
Неумолимого суда.
Сей плод запрещен ко вкушенью.
Не алчу я сего плода.
Прорек Господь: всей сытью многой
Питайтесь от любых дерев,
Однако сих плодов не трогай -
Иль прахом станешь, умерев,
1100 Погибнут жертвой своеволья
И ты, и все твои отстволя.

Велиал

Взаправду ли запрет сей верен?

Как можно вещь попятить сию:

Вкушенье Бог карать намерен

Плода, возросшего в раю?

Ева

Плоды различные собирая,

Вкушаем их свободно мы,

Но дерева сего средь рая

Должны страшиться, как чумы.

1110 Приманчив плод, сего не скрою, -

Но смерть хранит под кожною.

Велиал

О голубица, поразмыслив,

Возможно ли сие, реши.

Настолько ли Господь завистлив?

Молю, не отвращай души

От древа-феникса {52}: досыта

Натешься дивною едой,

Познание в которой скрыто!

Невместно женщине молодой

1120 Смирять в себе позыв на сладость.

Жены утеха - Богу в радость.

Нет, не отравлен, но отраден

Сих яблок несравненных сок:

В них дух небесных виноградин,

В них вечной юности залог.

Не ведать вкуса их - до сада,

О, несравненная жена,

Какая дивная услада,

Увы, тебе воспрещена!

1130 Ведь плод к тебе равнодушен:

Быть алчет он тобой надкушен!

Ева

Ненарушаема присяга,

Вкушать запретное - позор.

Велиал

Коль Бог творит одно лишь благо.

Зачем столь грозен приговор?

Но будь во слепоте упрямой,

Еда - ни в духе, ни в крови

Не сеет скверны малой самой, -

Смелее дивный плод сорви!

Ева

1140 Коль лакомство сие столь вкусно,

Почто ж его вкушенье гнусно?

И, если уж оно поспело

Здесь, в богосоздатшом саду,

Угрозу для души и тела

Как в неотравленном найду?

Иль все же гибель в нем таится?

Велиал

О, это несомненно ложь!
Ты не умрешь, о голубица,
Смири в себе трусливу дрожь!
1150 Могу, коль веришь мне, назвать я
Причину одного заклатья.

Ева

Я не настроена враждебно,
Реки, себя не тяготя.

Велиал

Коль это столь тебе потребно,
Открою тайну я, хотя
Мне Бог велел: "Не возглаголай!" -
Но преступить его пора,
Нарушить сей запрет тяжелый:
Все расскажу, лишь, будь добра,
1160 Молчи о том, молю, о дева:
Храни меня от Божья гнева.
Проведай же, насколько жаден
Земного блага казначей:
Сей плод затем тебе не даден {53},
Чтоб не отверзла ты очей,
Познав добро и зло - в итоге
Не стала Господу равна,
Вкусив от мудрости, как боги.
Богатство Скрыто здесь, жена!
1170 Отведав, ты постигнешь тоже,

Добро и зло насколько несхожи!
Вот вся причина речи строгой,
В запрете зри ее одну.
Скорее дивный плод потрогай -
Его со древа отряхну,
Чтоб ты вкусила Божьей власти.
О, не вздыхай - наоборот,
Дай волю разожженной страсти!
Взгляни на сей небесный плод!
1180 Сколь эти яблоки прелестны!
В них свойства обретешь небесны!

Ева

Сколь древо хорошо для пищи!
Мне кажется, во всем саду
Нет ни прекраснее, ни чище!
Где силы плод сорвать найду? ..
О, яблоко многоприятно!
Вкушает тот тебя, кому
Не свойственны греховны пятна.
Дрожу. Быть может, смерть приму
1190 За то, что страсть во мне огромна?
О, сколь желанье неумно!
Почто запрет жестокий слушать?
Вина, незримая почти, -
Желанье лакомство откусать!
Срываю. Господи, прости,
По силы нет и твоим запрете,
Коль ты по хочешь быть щедрей!
О плод, ты краше всех на свете!

Велиал

Теперь вкуси, вкуси скорей!

1200 Вкуси, не сотрясайся дрожью!

Ну, вот и ешь во славу Божью.

Грядущий миг - удачу множит!

Сюда стремится твой жених!

Здесь много яблок, и, быть может,

Он выберет одно из них?

Уговори его, невеста,

Красу отпробовать сию, -

Не может в нем не быть протеста,

Но я тебе совет даю

1210 Прибегнуть к тонкому подходу:

И сдастся он, тебе в угоду.

Адам, Ева.

Адам

О, сколько благодати на долю пало мне:

Со Господом Самим побыть наедине,

И Он почтил мою природу человеческую

Сиянием чела и милосердной речью, -

И много получил я мудрости настоль,

Что возопил в душе: "О Господи, позволь

Прервать наш разговор, без меры благотворный,

Зане пресыщен есмь прислужник Твой покорный".

1220 К невесте я теперь стремлюсь еще сильнее.

О, где она теперь? Что приключилось с ней?

Ужель со сейчас - о, странная примета! -

В запретной зрю тени? Откуда пища эта?

Перед картиной сей и глух стою, и нем.

Ева

Приблизься, милый мой. Ужели же совсем
Меня не страждешь ты? Мне ты всегда желанен.

Адам

Тебя увидеть тут - сей случай ли не странен?
Какие привели тебя сюда дела?

Ева

Господня яблоня мне тень и плод дала.

Адам

1230 Тот плод ли, каковой навек запрету предан?

Ева

Как раз поэтому он мною и отведан.
Страсть нестерпимая передалась нутру:
Взгляни на яблока прелестну кожуру,
Любуйся красотой сего плода особой,
А вкусен он насколько - и угадать не пробуй!

Адам

До вкуса ль!.. Вот она, нежданная беда!
Меня ознобом бьет! Бежать ли - но куда?

Коль яблоко сгнило б - то жребий неминучий
Нас мог бы пощадить! О, злополучный случай!
1240 Ужель - тот самый плод, сулящий только вред?
Как преступила ты Всевышнего запрет?

Ева

Я, знаешь, понимать способна Божье слово,
И не сошла с ума. Что может быть дурного
В кусочке яблока? Запреты - чепуха.

Адам

Увы! Моя душа теперь нема, глуха,
А такожде слепа: утрать я слух и зренье,
С тобою легче мне далось бы словопренье!

Ева

Не приключилось тут, мой друг, нимало зла,
Вот я и для тебя гостинец припасла!
1250 Его вкуси сперва, забыв слова запрета,
А уж потом суди, постигнув суть предмета.

Адам

Твои ли предпочту Господним словеса?
К ослушникам едва ль мирволят Небеса,
Кто разрешил бы паи пренебрегать приказом?

Ева

Приказа смысл того не подтверждает разум.

Адам

Что с Божьим разумом сравнится высотой?

Ева

Тот прав, кого смутить не может страх пустой.

Я сей познала плод, и знаньем упоенна.

Адам

На страхе Божиим вся зиждется Вселенна!

1260 Его закону кто без споров прилежит -

Пород пятном греха от пока по дрожит.

Какой из Ангелов запрет бы сей нарушил?

Ева

Вот Ангел-то как раз его и не послушал,

Со древа яблоко в подарок мне сотряс,

И не в годину бед, а в самый добрый час!

В слезах, что ныне льешь, мужчине много ль чести?

Испортить хочешь ли ты праздник весь невесте,

Иль радость изыскал в прении пустом?

Нимало дружества не вижу в действе том,

1270 Чтоб мне не доверять, - припомни же, однако,

Что изначально мы слиянны богом брака

И спаяны в одно. Коль ты - мой властелин,

Я - плоть и кость твоя, и жребий наш един,

И отвергать тебе не должно плод Господен:

Ты, знание обрета, горд станешь и свободен,
Подобен Господу премудростью, - яви
По доброй воле мне свидетельство любви,
Для нас полезна будь, ее первейша вежа!
О, не отказывай! В послушестве - утеха!

Адам

1280 В чем выбор? Я никак решенья не приму:
Мы станем Господу подобны самому,
Приявши знание, свободные впервые -
Иль, под Его закон подставя наши выи,
Страшиться, как рабы, начнем жестоких кар?

Ева

Что медлишь? Поспеси приять Господен дар,
По воле собственной, и не лелей тревоги:
Бог Неба - Небесам, Земле - земные боги.

Адам

В чем выбор? Вот Господь, а вот моя жена.
Запретом грозой он, она мольбой нежна.
1290 Пренебрегу с женой божественною связью,
Иль милость высшую легко смешаю с грязью?
В моей душе гроза. Какую тяготу
Родят сомнения! Что ныне предпочту:
Запрет Господен ли - иль плод Его же сада?
Подобья Божия в себе отречься ль надо,
И душу устремить на гнусности одни?
С женой расстаться ли - о, Боже сохрани, -

Котора мне дала бессчетные объятья,
И большей радости не вправе ожидать я,
1300 Чем лоно сладостно, присущее жене?..
Вот, вижу, смерть. Но жизнь избрать уместно мне:
Я не шагну на путь, сулящий только худо.
Мне мира с Богом нет, с тобою я покуда:
Расстаться должно мне с тобой. Да, это так.

Ева

Легко же рушишь ты наш богоданный брак:
Суд надо мной вершить себя считаешь вправе
За шкурку яблочну. Ты пременился в нраве,
Звериная мораль взошла в твоей груди,
Вот ты каков, Адам. И вправду - прочь иди.
1310 К чему тебе жена? Тебе милей скотина:
Ей имена давать - в том цель твоя едина.
За кость и плоть свою - не числишь ты жену,
И сердце обратил во глыбу ледяну.
Пусть так. Но коль искать ты станешь, тем не мене,
Свою жену - учти, напрасны будут пени:
Уж позабочусь я - твой розыск будет пуст,
И Евиных вовек ты не коснешься уст.
Мне сад и звери все - свидетели удобны,
Что нравом скверен ты. Львы, властелины злобны,
1320 Смиримы львицами. Жестоковыйный тигр
Учтиво мига ждет с тигрицей страстных игр:
Вид хищников таких кого, скажи, но тронет -
Один кусок едят, одну добычу гонят.
И только ты, Адам, в любви не погряз.
Прощай. Свою жену ты зришь в последний раз.

Адам

Ах! О невеста, ты уже уходишь - или
Еще повременишь?..

Ева

Мы все уже решили.

Пусти. Не умножай упреков и обид,
Господь тебе жену другую сотворит,
1330 Как в полусне меня ты брал на брачном ложе -
Так нынче без любви со мной простишься тоже.
Не оцененное легко отдать добро.
Под сердцем сыщется еще одно ребро,
Чтоб стать еще одной женою, плоть от плоти.
Люби ее сильнее и содержи в почете,
Нежнее, чем меня, - а если жаль труда,
Не заводь жены, пожалуй, никогда,
И сердца ничьего жестокостью не мучай.

Адам

Молчи! Не рань меня такою речью жгучей!
1340 Как угодить бы мог тебе и Богу я?
Все твердо здесь решил Верховный Судия,
Он вместе создал нас, нам порознь жить не можно,
Прости, но поступить теперь я должен ложно,
Чтоб не мрачила скорбь моей невесты лик:
Будь снисходителен. То - срыв, но лишь на миг,
Слабохарактерность, я верю, неподсудна,
Благословить сей плод ведь было бы нетрудно,
Не возникал бы яд, когда бы не приказ.

Подай же яблоко. Одна судьба у нас.

Ева

1350 Мы знание обрели: добро и зло несхожи.

Чем недоволен ты?

Адам

О, как внимать без дрожи

Тому, сколь горестно вдали звучит хорал?

Ева

Любимый, бледен ты: ужели захворал?

Тебе я верности вовеки не нарушу,

Все взято бремя мной на собственную душу.

Хор Ангелов-хранителей.

I. Песнь:

Что пользы в ангельском строю {54},

Когда Господне око

Чету не соблюло сию:

Кто благоденствовал в раю,

1360 Оттоль уйдет далеко;

Адам, настали горьки дни,

Свой Господу надел верни!

О, праздник слишком краткий,

О, скорбь возвышенных Небес!

Здесь годы были сладки,

Мир пребывал в порядке,
Который вдруг исчез,
Стал смутою убогой.
О, время скорби многой!

I. Ответная песнь:

1370 О, если б Ангелов Адам
Себе в пример поставил!
Но, не пошед по их следам,
Он жадно рвался ко звездам
Противу Божьих правил:
Души грехом не отягча,
Он не изведаль бы бича!
О, горькая судьбина!
О, Божий если б гнев потух!
Ведь сей беды причина -
1380 Что гнусна речь змеина
Не сразу вникла в Божий слух!
Яви же милосердство,
Смири познания зверство!

II. Песнь:

Ужель в познание только зло?
Не мы ли, Божьи дети,
Лелеем оное зело,
И Провиденье нас взнесло
Всего превыше в свете?
Не нам ли на сие права
1390 Даны по воле Божества?
Он знает все, что будет, -

И потому, быть может, Бог
Свой правый гнев остудит:
О, как же он осудит
За то, что Сам провидеть мог?
Сомнительное благо -
Узнать, что тело наго!

II. Ответная песнь:

Благословила Божья пясть
Познание изначально:
1400 Сама решает высша власть,
Что вознести, а что проклясть;
Затем-то беспечно
Расправили красу свою
Плоды познания в раю.
Но если кто предерзко
Познанию не желает мер, -
Его алканье мерзко!
Прияв обличье зверско,
Грядет на трон князь Люцифер.
1410 Адам, о ствол кедровый,
Позор земной дубровы!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Люцифер, Асмодей.

Люцифер

Подобный плач вовек не слыхан на Земли!

Асмодей

Как бодро сторожа свой караул несли!

Люцифер

Да будем мы и впредь изощрены в коварстве.
Жди, Асмодей, похвал во преисподнем царстве,
Фанфары сиплые триумф отметят твой {55},
Гирлянды зашуршат пожухлою листвою,
Тебе соткут ковры из пасм паучьей пряжи,
Земель Восточных ты воспримешь титул княжий.

1420 Ты праздник учинил - что ж, Богу предъяви

Чету, вкусившую восторг земной любви,
Им разложи постель {56}, огонь зажги над нею,
И жениху сломи его прегорду шею:
Пусть валится потом в объятия жене.

Асмодей

Безмерна эта честь, хвалы приятны мне.
Венец железный мой во честь твою заржавит!

Люцифер

Что дивная чета? Как прежде, Бога славит?

Асмодей

Они бежали прочь, сгорая со стыда,

И забрались в нору: их загнало туда

1430 Сознание наготы, неведомой доселе, -

Отверзлись их глаза, мы в том достигли цели.

Кровь к лицам прилила, их горький стыд таков,

Что пояса плетут из фиговых листьев

Они, чтоб чресла скрыть, - мы, между тем, упорно

Влечем им сквозь кусты, через колючки терна,

Терзаем кожу их и радуемся: рдей,

Разбрызгиваема впервые, кровь людей!

Они уже в грязи, в них закипает злоба,

Бранятся и винят уже друг друга оба,

1440 К чему теперь Эдем и все его красы?

Адам, рыдая, рвет кудрявые волосы

На голове своей, хулит бесстрашие рока

И жалостно вопит: О, как я пал глубоко!

Я слушал не жену, а лютого врага!

По сей бы мне тропе не делать ни шага!

Жену повергла в грязь ее алчба греховна,

А вслед за ней - меня. Во всем жена виновна!

Плоть предала меня - как не скорбеть о том?

Любовь жены меня содеяла скотом!

1450 С хоругвью Божией тягаться ль я способен?

Не мыслил Господу я знаньем стать подобен!

Высокомерие - вот где источник зол!

Призрак чудовищный меня переборол!

Во мне царит разброд, и нестерпимо горе.

Дух с плотию в борьбе, в неразрешимом споре;

Изведен, вкус плода внушил мне скорбь и страх!

Осознан поздно, сколь сей безысходный крах!

Преступным действием навек покой украден!

О, как же сей позор велик и беспощаден!

Люцифер

1460 Свершилась месть моя! Победу адских сил
Мой изначальный враг теперь вполне вкусил,
Он сам явил закон, назначил срок расплаты -
И вот получены, как видим, результаты.
Рыдает род людской, свою судьбу кляня,
Познала стыд Земля с сегодняшнего дня.
Весь человеческий род моей пребудет паствой!
Нестрашно мне ничто! Зло, безраздельно властвуй!
Добро повергнуто: о, сколь бесспорен срам!
Противу Божьего я свой воздвигну храм,

1470 Пусть идол примет мой там жертву человеческую,
Пусть богохульственной почтен там буду речью
И фимиамами! За все теперь могу
Уверенно отмстить надменному врагу, -
Адамовых сынов мне портить не наскучит.
За шестьдесят веков {57} Он горстку душ получит!
Я низко пал во прах - и снова днесь высок!
И вправду - яблочный пришелся к делу сок!
Но спрячемся на миг. Послушать не в излишек
Многоглаголанье стенающих людишек,

1480 Чреду предвидящих разнообразных бед:
За преступление - извольте дать ответ!
Как побледнел жених; еще бледней - невеста;
По саду мечутся и не находят места.
Творец, увидев их, брезгливо бы прорек:
Увы, не оправдал надежды человек {58}.

Адам, Ева.

Адам

Я полагал, о тьма безобразна, вертенна,
Что скроется в тебе моя неблаголепна
И нища нагота, - однако зрак Небес
И здесь настигнет нас. Ни грот, ни темный лес
1490 Тому, кто совестью терзаем, не поможет.

Червь сердце и нутро мне беспощадно гложет
Неусыпающий. Ни на одну тропу
Направить не могу спокойную стопу,
Все в мире обрело незнанные свойства.
Гнетет всечасное мне душу беспокойство,
Грудь разрывается несчастная моя,
Рассудок мечется, беспроко вопия.
Как пременился мир! И как я в нем несчастен!
Былое возратить хочу - и вот не властен:

1500 Несбыточна сия последняя мечта,
За что хватаюсь я? Везде лишь пустота.
Где стражи-ангелы, трапезы брачной слуги?
Ах, вижу я, они бежали прочь в испуге.
Пир свадебный замолк, лес необычно тих,
Расстались с праздником невеста и жених,
Глагол Небес молчит, но, яростны и грубы,
Грохочут адские торжественные трубы.

Ева

Почто так мечешься? Ужель сошел с ума?

Адам

Чревата для меня видениями тьма,
1510 Смотри, они грозят и нас отсюда гонят!

Их рать несметная порой во мраке тонет,
Однако лишь затем, чтобы придти тотчас.
Ты видишь призраков? Они обстали нас!
О горе! Нас толпа несчетна окружила
Несчастий, коим ты начало положила!

Ева

Всю на меня взвалить ты порешил вину.

Адам

Кого же мне винить, как не тебя одну?
Не ты ль причиною сгустившегося мрака?
О, ждатель бы мне сего при заключенье брака!..

Ева

1520 Зачем обвенчана, как мыслишь, я с тобой?

Адам

Затем, чтоб мне была супругой и рабой!

Ева

Быть впереди жены приличествует мужу.

Адам

Тебя, несчастная, легко обезоружу:
Свидетель древо мне - кто первым плод сорвал?

Ева

Пол слабый был сражен соблазном наповал.

Адам

Сгубила ты меня настырностью речистой.

Ева

Мужчине голову держать уместно чистой
И соблюдать себя, жене наперекор.

Адам

Ты предала меня!

Ева

Вступать не станет в спор,
1530 Кто лестью не влеком, бесстрашен и безгрешен.

О, не ропщи: всегда ты будешь мной утешен,
Осталось счастье, сколь ни тягостна страда;
Тебе невоготу не станет никогда,

Адам

Ущерб невозместим, утехи все излишни.

Ева

Непогрешимостью нас обделил Всевышний,

Способен ко греху наш, сколь ни скорбно, род.

Адам

За наслажденья миг - расплаты час и год,

Чреда отчаянья, печали и позора,

Тоску не укротит услада никотора.

1540 Куда не погляжу - везде, везде одна

Безжалостная смерть. Разверзни ложесна,

Земля, утишь мою великую обиду:

Виновен я, прах есмь и снова в прах отыду.

Я страстью истреблен. Истерзана душа,

В первоначалие свое уйти спешу

Скорей, отколь была в дин прошлые предивно

Взята. О где же смерть? Мне быть живым противно,

Мне близящийся мрак стократ милей, чем свет.

Позор мой виден всем. Итак, возврата нет,

1550 Хотя б умершего пусть червь стыда не точит!

О, не оплакивай того, кто смерти хочет,

Тот умер вовремя, надежды нет кому.

Я жил недолго, по рассудку моему

Любой несносен миг, лишенный благодати.

Теперь котору смерть всего умней избрати?

Бесстрашно ринуться с высокой ли скалы?

В Евфрат ли броситься, чтоб водные валы

Плоть понесли мою прокормом рыбьим стаям?

О женщина, пусти: тоскою муж снедаем.

1560 Светило к западу спешит, но все равно

Нет мочи ожидать, когда зайдет оно.

Меня пугает свет! Надежда оскудела,

Блаженный жребий мой исчерпан до предела,

Высокомерьем я погублен навсегда,

Чрезмерной пышностью и должен от стыда
Низвергнуться во ад, позор отмывши кровью,

Ева

Куда ты? Так легко судьбу сулишь мне вдовью?
Не я ли плоть твоя и кость? Подумай хоть
Об участи моей!

Адам

Предательская плоть,
1570 Язык, проклятый твой, змеиный, ядовитый!

Ева

Змей совратил меня, а ты не стал защитой.

Адам

Но кто иной, как ты - лукавая змея!

Ева

Где ум твой, что взлетал в надзвездные края?
Где мыслей свет твоих, живой и благотворный?
Когда не внимлешь ты моей мольбе покорной
И корень всей беды зришь во грехе моем, -
То умереть позволь тогда с тобой вдвоем.
В существовании - с тобой не мыслю розни,
Мой грех - неведение, а не коварны козни,
1580 Мой грех - моя алчба, вини ее одну.

Что ж, примем общую расплату за вину:
Да будет так, мы казнь поделим честь по чести:
Навстречу гибели иду с тобою вместе!
Я не боюсь ее, и вот моя рука:
Не медли же! Ступай! Да будет нам легка
Удвоенная смерть. Я встречу терпеливо
Речную ли волну, паденье ли с обрыва,
Рука в руке, идем. Ты сам решишь, куда.

Адам

О нет! Из-за меня произошла беда!
1590 Я жить еще хочу: любовь дает мне силы.
Слезам не кропи кустов листы унылы,
Теперь не должно нам в отчаяние впасть:
Нет боле радости, но есть любовь и страсть,
Что зажжены меж нас. О нет, я не позволю
Во свадьбы первый день тебе на вдовью долю
Роптать - не будешь ты, на камень гробовой
Склонясь, рыдать о том, что муж безумный твой,
Тоскою побежден, приял конец бесславный:
Сам истребил себя рукой самоуправной.
1600 Нет, обуздаем скорбь, чтоб трезво рассмотреть
Тот жребий, что судьбой нам будет кинут впредь.

Ева

О, что за гул? Грозы то голос неминучей,
Чреватые небеса чудовищною тучей,
Тревожно шелестит листва на деревьях,
Бушует ярый ветер в колеблемых лесах,
Гудение и рев исходят из дубровы,

Сверкает молния, рокошет гул громовый,
Удары множатся, и тьма грядет, гоня
С небес последний свет непрожитого дня.

Адам

1610 Какой великий страх царит в миропорядке!

Как все дрожит во мне в смертельной лихорадке!

Власы мои встают, хладеет кровь моя,

Карающий грядет, я слышу, судия

С мечом пылающим, с неумолимым взглядом.

Он близится. Куда бежать? Он здесь, он рядом.

Любимая, скорей в угрюмый лес бежим,

В приют, что солнечным лучам недостижим;

Пас фиговых листков по скроет паутина:

Вся наша нагота ясна для господина,

1620 Влекущего на суд и души, и тола.

Година платежа за тяжкий грех пришла.

Пригнись, в моей тени тебя не будет видно.

О страсть! О яблоня! О ты, клеймо постыдно!

О лес, простри на нас свою густую сень!

Грядет высокий суд. О, скорбной свадьбы день!

Уриил, Адам, Ева.

Уриил

Адам, Адам, внимли. Что прячешься в окрестной

Зеленой поросли? Иль мнишь в тени древесной

Укрыться - а Господь пребудет глух и слеп?

Тебя не смогут скрыть ни пропасть, ни вертеп;

1630 Бесплодно прятаться, - о том узнай заране, -

На небе, на земле, в пещере, в океане.
Во имя Господа, явись на Божий свет:
Бог сотворил тебя и дал тебе завет,
Зачем бежишь Творца, дурной являя поров?

Адам

Прости меня, но я скрываюсь лишь от взоров,
Как в наготе явлюсь пред ангельски глаза?
Тобой несомая великая гроза
Мне помутила ум: я голос ясно слышал,
Но, наготы стыдясь, тебя встречать не вышел.

Уриил

1640 Откуда ведома нагому - нагота?

Иль воспрещенный плод привлек твои уста {59}?
Злодейство налицо. Но мни сокрыть улики,
Нет оправдания перед лицом Владыки.
Реки, преступный, - ложь тебе пойдет во вред, -
Один ли ты попрал Всевышнего запрет?

Адам

То не моя вина: жена великой лестью
Мой уклонила нрав к свершенному нечестью,
Растлила сердце мне; и дивный вид плода -
Причиной, что меня не обошла беда,
1650 Что я так низко пал что горько каюсь ныне.

Уриил

Жена, ты искони поставлена в рабыни,
Во преступленье кем был разум твой ведом?

Ева

Созданье Божье, змей прельстил меня плодом,
Уговорил меня отведать плод пригожий.

Уриил

О змей, лукавый зверь, готовься к мести Божьей!
Отныне проклят ты пред всем земным зверьем,
На чреве обречен ты иолзать на своем,
Всегда скользить в нору, терзаясь жалким страхом,
Все жизни дни твои одним питаться прахом,
1660 И пламена вражды да будут зажжены
Меж семенем твоим и семенем жены {60}:
Будь оным во главу язвим за вероломство,
А сам язвить в пяту начни ее потомство.
Жена, из-за тебя твой муж теперь в беде,
Не узришь ты конца своих скорбен страде,
Ты будешь мучиться, детей на свет рожая,
И рабством боль твою умножу, умножая.
Ты, кто внимал жене, забыв Господень гнев,
Запретный плод вкусил, веление презрев,
1670 Прими ярем труда, узнай, как оный страшен;
Днесь проклята земля, и возрастит средь пашен,
Тобой возделанных, волчцы и сорняки,
Посева задушив здоровые ростки.
Стирая пот со лба, вкушай свой хлеб, доколе
Во прах не снідешь вновь к первоначальной доле,
Но, чтоб существовать в юдоли вы могли,

Бог правила дает для проклятой земли:
Рожая, пьет жена пускай страданий чашу;
Здоровье бережа, как и стыдливость вашу,
1680 Бог из овечьих шкур сулит одежду вам.
Теперь - ступайте прочь. И, сим вослед словам.
Здесь, у Эдемских врат восстаньте, Херувимы;
Ослушники от них да будут прочь гонимы:
Храпите ревностно вы древа жизни ствол
Златой и дерзостный уймите произвол,
Содеянный людьми. Отныне и вовеки
От яблок жизни есть но будут человеки.

Ева

О, что за пламена восходят меж деревьев!
Эдем горит! Замолк наш свадебный напев,
1690 Чу! звери все кричат и все рыдают птицы.
Ужасных факелов ужели вереницы
В честь нашу зажжены? Куда ж теперь, куда?

Адам

Потребно поспешать. Сей грозный дух суда
Не Уриил, по Бог, чей мы напрег презрели,
Сверх меры возгордясь, взалкав недолжной цели,
Во Эмпирей спеша - сподобились тюрьмы.
Паденью страшному теперь подверглись мы!
Где утешенье взять среди сего недуга?
В изгнание поддержи меня, моя супруга.
1700 Земля колеблется. Бежать пора давно.
Тебя увидеть вновь - надежды не дано,
О, дивный райский сад! О, колыбель родная!

Мгновенья не продлить. Пойдем, тропы не зная,
Искать, где нас земля чужая приютит
И скудно пищу даст. О, слишком поздний стыд,
О, жизнь в раскаянье, о, горький труд неспорый!
Спеши за мной, жена, и будь моей опорой!
Окончен летний зной, грядут снега и стужь.
Меч Божий гонит нас. Теперь - скорее в путь.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОБОСНОВАНИЕ ТЕКСТА

Трилогия Йоста ван ден Вондела - "Люцифер" (1654), - "Адам в изгнании" (1664), "Ной" (1667) - впервые соединена в настоящем издании под одной обложкой со своим главным нидерландским (хотя и написанным на латыни) прототипом, драмой Гуго Гроция "Адам изгнанный" (1601). Таким образом, русскому читателю предоставляется возможность не только ознакомиться с текстом трилогии, но и сопоставить ранее изданный на русском языке "Потерянный рай" Джона Мильтона с трагедиями Вондела и Гроция, послужившими главными источниками для поэмы.

Перевод трилогии Вондела выполнен по изданию: Joost van den Vondel. Volledige dichtwerken en oorspronkelijk proza. Verzorgd en ingeleid door Albert Verwey. MCMXXXVII, H. J. W. Becht, Amsterdam. Издание это, выпущенное к 350-летию со дня рождения Вондела, по сей день остается наиболее достоверным источником текстов Вондела; оно, однако, практически лишено справочного аппарата. Для контроля при переводе первых двух драм ограниченно привлекалось авторитетное французское издание трагедий Вондела: Joost van den Vondel. Cinq tragedies. Notice biographique et notes traduction vers par vers dans les rythmes originaux par Jean Stals. Didier, Paris, 1969

(Collection Unesco d'oeuvres representatives, Serie Europeenne). Был просмотрен также прежний перевод "Люцифера" на французский язык: J. van den Vondel. Lucifer. Tr. par Ch. Simond. Paris, 1889; а также известный перевод "Люцифера" на немецкий язык: Joost van den Vondel. Lucifer. Trauerspiel. Leipzig, Brockhaus, 1869. В работе над переводом и справочным аппаратом критически использованы многочисленные работы, начиная с комментариев ван Леннепа в тридцатитомном варианте изданного им "полного Вондела" (Joost van den Vondel. De werken. Uitg. door J. van Lennep. Deel 1-30. Leiden, Sijthoff, 1888-1893) и до наших дней. Следует отметить, что в любом отдельно взятом комментарии к драмам из числа изданных за последнее столетие, в частности, крайне слабо до сих пор прослеживались древнегреческие и византийские корни творчества Вондела, так что во многом комментарий в настоящем издании содержит сведения, на родине поэта почти не известные.

Отдельного издания каких бы то ни было произведений Вондела на русском языке до сего дня не существовало. Книга П. А. Корсакова "Йоост фон ден Фондель" (СПб., 1838) давала крайне искаженный портрет "главного" писателя Нидерландов. Свои переводческие усилия Корсаков был склонен направить на то, что казалось ему "переводимым". К его немногочисленным удачам можно отнести переводы стихотворений лучшего ученика Вондела, Иеремиаса де Деккера, которые мы находим на страницах его "Опыта нидерландской антологии" (СПб., 1844). Удачны были и его переводы некоторых басен Якоба Катса, но из Вондела Корсаков перевел только два коротких и незначительных стихотворения.

В 1974 г. на страницах тома Библиотеки Всемирной Литературы "Поэзия Возрождения" был опубликован перевод оды Вондела "Рейн", воспроизводящийся в дополнениях к нашей книге. В 1983 г. на страницах антологического издания "Из поэзии Нидерландов XVII века" (Художественная Литература, Ленинград) "Рейн" был переиздан, к нему добавлены пять стихотворений, все они воспроизводятся в нашем издании: "Молитва гезов", "Скребница", "Развратники в курятнике", "Оливковая ветвь Густаву Адольфу" и "Счастливое мореплавание".

Переводчик трилогии Вондела пользуется возможностью сердечно поблагодарить проф. Яна-Паула Хинрихса (университет в Лейдене), предоставившего ряд труднодоступных материалов и неизменно

консультировавшего все спорные вопросы, возникавшие в процессе работы над переводом, а также проф. Уильяма Федера (университет в Неймегене), любезно предоставившего видеозаписи постановок "Люцифера" и "Адама в изгнании" на сценах современных нидерландских театров, что разрешило ряд сомнений чисто сценического характера.

Русский перевод монументальной драматической трилогии Йоста ван ден Вондела переводчик считает долгой посвятить памяти своего учителя, поэта Аркадия Акимовича Штейнберга (1907-1984), чей перевод "Потерянного рая" Джона Мильтона был одной из побудительных причин создания публикуемой ныне первой русской версии "Люцифера" вместе с последующими частями трилогии.